

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Уфимцев А.Е. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры // Филология: научные исследования. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74034 EDN: CIWWHI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74034

Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры

Уфимцев Александр Евгеньевич

ORCID: 0009-0004-9788-5550

независимый исследователь

660122, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Транзитная, 48, кв. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74034

EDN:

CIWWHI

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2025

Аннотация: Предметом исследования является биоэссенциально-детерминистическая парадигма как причина трансформации языкознания в психолингвистику. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма понимается как антропоцентрическая в широком смысле. Более подробно биоэссенциально-детерминистическая парадигма описана в журнале «Филология: научные исследования» №2 (2025). Целью исследования является осмысление факта трансформации языкознания в психолингвистику вследствие принятия биоэссенциально-детерминистической парадигмы в языкознании. Трансформация носит метафорический характер. Теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении языкознания и психолингвистики. Практическая значимость исследования заключается в перспективе развития междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований. Кроме того, данное исследование показывает возможные направления дальнейшей научной работы, что может пониматься как теоретическая и практическая значимость. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки биоэссенциально-детерминистической парадигмы. Использовались: метод анализа научной литературы,

метод абстрагирования, абдуктивный, дескриптивный и сравнительно-сопоставительный методы. Методы абстрагирования и абдукции позволили выделить и описать трансформации предела системного структурализма в предел биоэссенциального детерминизма: языкознания в психолингвистику и языкознания в психологию. Сопоставлены мнения различных учёных о парадигмах в языкознании, общим является признание антропоцентричности в языке. Исследование проведено в области философии науки (филологии). Научная новизна данного исследования заключается в осмыслении роли биоэссенциально-детерминистической парадигмы при трансформации языкознания в психолингвистику. Научная новизна заключается в отсутствии подобных исследований. Термин биоэссенциально-детерминистическая парадигма введён в предыдущем статье журнала "Филология: научные исследования" №2 (2025). Автор приходит к следующим выводам. Предел системного структурализма есть языкознание, предел биоэссенциального детерминизма есть психология. Языкознание и психолингвистика – разные науки, имеющие общее начало: совокупность языка как абстрактной знаковой системы и речи как конкретного живого процесса в различных сочетаниях. Автор описывает ряд трансформаций, выведенных методом абстрагирования: 1) трансформация по типу часть целого становится иным целым: переход языкознания в психолингвистику; 2) трансформация по типу часть одного целого становится другим целым: биоэссенциальный детерминизм в чистом виде есть психология; 3) при обеих трансформациях причина свершилась позже следствия – осознание причины наступает после случившегося следствия. Данные метаморфозы можно объяснить увеличением роли хаоса и естественными закономерностями развития науки.

Ключевые слова:

парадигма, смена парадигм, антропоцентрическая парадигма, антропоцентризм, биоэссенциально-детерминистическая парадигма, биоэссенциальный детерминизм, системно-структурная парадигма, системный структурализм, языкознание, психолингвистика

Введение

Данная статья продолжает исследования, опубликованные в журнале «Философская мысль» №№ 9 и 10 (2024) и №1 (2025), и в журнале «Филология: научные исследования» №2 (2025). В статьях, опубликованных в журнале «Философская мысль», описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трансдисциплинарном ключе. В статье, опубликованной в журнале «Филология: научные исследования», говорится о биоэссенциально-детерминистической парадигме в лингвистике, понимаемой как антропоцентрическая в широком смысле.

Цель исследования: осмысление факта трансформации языкознания в психолингвистику вследствие принятия биоэссенциально-детерминистической парадигмы в языкознании.

Предметом исследования является биоэссенциально-детерминистическая парадигма (антропоцентрическая парадигма в широком смысле) как причина трансформации языкознания в психолингвистику.

Методы исследования: метод анализа научной литературы, метод абстрагирования, абдуктивный, дескриптивный и сравнительно-сопоставительный методы. Метод анализа

научной литературы использовался при изучении научных работ по теме исследования. Дескриптивный метод применялся для выявления ключевых идей различных работ по теме исследования. Посредством методов абстрагирования и абдукции были сделаны обобщения в виде предела системного структурализма и предела биоэссенциального детерминизма. Кроме того, методы абстрагирования и абдукции позволили выделить и описать парадоксальные трансформации, носящие метафорический характер, – предела системного структурализма в предел биоэссенциального детерминизма – или языкознания в психолингвистику и языкознания в психологию. Сравнительно-сопоставительный метод использовался для сопоставительного анализа пределов системного структурализма и биоэссенциального детерминизма.

Оговоримся сразу, что в данной статье мы следуем не индуктивным или однозначно абдуктивным путём, а скорее дедуктивным: т.е. не выводим из трудов учёных свои заключения – в условиях ли полной ясности, в условиях ли частичной неопределённости, – а опираемся в своих суждениях на мнения учёных, действуя при этом в условиях частичной неопределённости. Поскольку в таком случае ссылки не носят исчерпывающий характер, то они приведены преимущественно в иллюстративных целях. Возможно, данный подход может быть назван подгонкой доказательств под результат – но, с другой стороны, индуктивный метод даёт вероятностные результаты, а дедуктивный – истинные. Как подчёркивает Е. С. Кубрякова: «Именно в лингвистике, где опора на накопленные в ней эмпирические данные особенно важна, велика и опасность полагать, что здесь господствует один индуктивный подход и что лишь факты диктуют определенный способ их представления» [\[1, с. 164\]](#). Тем самым, в данном исследовании реализован не строгий и упорядоченный подход в науке, а хаотический и произвольный – и продолжая описанные в №№ 9 и 10 (2024) и №1 (2025) журнала «Философская мысль» идеи, можно сказать, что методология исследования воплощает биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигму.

Кроме того, принимая во внимание замечание А. А. Залевской и С. И. Тогоевой: «в океане детальных описаний отдельных «концептов» или языковых явлений, к сожалению, теряются попытки теоретически осмысливать не вполне очевидный сиюминутный результат, а общетеоретический потенциал прослеженной особенности, которая может оказаться закономерностью, важной для разработки теории объяснительного типа» (выделение авторское) [\[2, с. 100\]](#), мы считаем данный подход перспективным в век переизбытка информации. Примем во внимание и положения теории Т. С. Куна: наука не развивается кумулятивно, и вместо дальнейшего разрастания нормальной науки есть смысл перейти на новый уровень.

В то же время очевидно, что обилие информации по определённой теме делает перспективным проведение обзорных исследований – что может пониматься как теоретическая и практическая значимость данного исследования, показывающего возможные направления дальнейших научных изысканий.

Кроме того, теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении языкознания и психолингвистики. Практическая значимость исследования заключается в перспективе развития междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки биоэссенциально-детерминистической парадигмы. Поскольку биоэссенциально-детерминистическая парадигма может рассматриваться как расширенная антропоцентрическая парадигма, то есть смысл описать её биоэссенциальный базис.

Новизна исследования заключается в осмыслении роли биоэссенциально-детерминистической парадигмы (антропоцентрической парадигмы в широком смысле) при трансформации языкознания в психолингвистику.

Структура статьи. В разделе **Что есть парадигма?** описано понимание парадигмы в лингвистике. Показано, что при различных пониманиях парадигмы можно выделить общее. В разделе **Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы** описаны системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы как две основных парадигмы в лингвистике. В разделе **Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры** описана роль биоэссенциально-детерминистической парадигмы в трансформации языкознания в другие науки – психолингвистику и психологию. Показано, что можно понимать психолингвистику и психологию как переход предела системного структурализма в предел биоэссенциального детерминизма (с некоторыми отличиями). В разделе **Закключение** представлены выводы.

Что есть парадигма?

Впервые данный термин появляется в монографии Т. С. Куна «Структура научных революций». Термин является многозначным и имеет общенаучное употребление. В настоящее время есть множество определений парадигмы. Приведём различные понимания парадигмы в лингвистике.

Так, по В. З. Демьянкову, научная парадигма – это образец, которому следуют учёные, при этом выбор образца определяется не только объектом исследования, но и отношениями между учёными [\[3, с. 13\]](#). Исследователь отмечает: парадигмы в науке являются аналогом поколений [\[3, с. 15\]](#). В. З. Демьянков указывает: новая научная парадигма появляется в результате научного переворота, при этом изменяется и концептуализация анализируемых явлений [\[3, с. 15\]](#). Учёный пишет о глобальных и локальных научных революциях, отмечая междисциплинарный характер первых и большую частоту вторых, и описывает междисциплинарный характер глобальных научных революций: «глобальные теории тем более революционны, чем в большей степени позволяют воспарить над нуждами данной научной дисциплины» [\[4, с. 24\]](#).

Е. С. Кубрякова последовательно осмысливает характеристики парадигмы в общенаучном смысле и в лингвистике [\[1\] \[5\]](#). Е. С. Кубрякова пишет: парадигма играет направляющую роль, не столько предлагая новые решения, сколько определяя перспективные пути развития науки [\[1, с. 165-166\]](#). На примере парадигм в лингвистике исследователь отмечает особенности наименования школ, направлений и парадигм: школы характеризуются чаще всего по лидерам (хомскианство, соссюрианство), направления – по целям изучения языка (сопоставительное, сравнительно-историческое), а парадигмы «получают разные названия, зависящие от того, какое из выделенных нами ее звеньев оказывается в фокусе внимания представителей данной парадигмы знания» [\[5, с. 10\]](#). Е. С. Кубрякова подчёркивает: название парадигмы обуславливается её целеполаганием, «которое одновременно можно рассматривать и как фиксирующее ключевое понятие данной парадигмы» [\[5, с. 13\]](#).

Суммируя различные понимания парадигмы в научном сообществе, Ц. Ц. Огдонова определяет парадигму как хронологически и культурно обусловленную, гетерогенную динамичную систему представлений о языке, генерирующую и развивающую

определённую концептуальную схему теории языка на базе той или иной философии [\[6, с. 46-47\]](#).

Г. Г. Галич отмечает: принятое многими лингвистами определение парадигмы, основывающееся на теории Т. С. Куна, «однозначно указывает на социально-оценочный статус парадигмы, <...> однако ничего не сообщает о ее собственном внутреннем устройстве» [\[7, с. 298\]](#). Анализируя подходы других учёных и обобщая словарные определения, Г. Г. Галич предлагает своё понимание парадигмы, основывающееся на её принципиальных свойствах: полнота, многокомпонентность и однородность формы компонентов. Осмысливая понятие парадигмы в лингвистике, исследователь пишет: «... речь может идти о более или менее полной, целостной системе научных форм, или, в более привычной терминологии, научных направлений, научных походов или конкретных лингвистических наук, которые и могут являться компонентами той или иной парадигмы» [\[7, с. 299\]](#).

О социальном начале научных парадигм пишет и Ф. М. Березин: «на смену одной парадигмы другой большое влияние оказывают и экстралингвистические факторы (социальные и политические), а также личностные, играющие большую роль в принятии или отклонении той или иной парадигмы. При определении причин смены парадигм необходимо знать и интеллектуальную историю той эпохи, в которой формулировалась та или иная парадигма, тот интеллектуальный климат, который повлиял на становление этой парадигмы. С учетом интеллектуального климата необходимо учитывать даже менталитет ученого, участвующего в формировании парадигмы» [\[8, с. 7\]](#). Тем самым, в становлении парадигмы значимую роль играет не столько собственно внутренняя структура парадигмы как знания о чём-либо, сколько человеческий фактор – как на индивидуальном уровне, так и на общественном вплоть до государственного и надгосударственного.

Итак, при всех различиях в понимании научным сообществом парадигмы в лингвистике можно выделить общие черты. Парадигму можно понимать как концептуально обобщённый, динамично развивающийся свод научных представлений, определяющий развитие науки в научном сообществе. Можно сказать, что парадигма – это не только определённая система правил внутри науки. Парадигма – это призма, это оптика, сквозь которую мы смотрим на мир. Так, любая парадигма в лингвистике – это та оптика, сквозь которую мы смотрим на мир как лингвисты.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы

Традиционно в языкознании выделяют системно-структурную и антропоцентрическую парадигмы. В. М. Алпатов последовательно описывает их как противостоящие друг другу подходы [\[9\] \[10\] \[11\] \[12\]](#). Учёный отмечает: спор между этими подходами насчитывает не одну тысячу лет [\[10, с. 208\]](#). Исторически первым исследователь называет антропоцентрический подход [\[9, с. 15\] \[12, с. 14\]](#), и считает, что в настоящее время усиливается роль антропоцентрической парадигмы [\[10, с. 218\]](#).

Однако в языкознании есть и другие парадигмы.

Так, Е. С. Кубрякова рассматривает лингвистические парадигмы XX века: структурализм, генеративизм, когнитивизм и неофункционализм. Е. С. Кубрякова отмечает: внутри каждой из данных парадигм были широко представлены конкурирующие исследовательские программы, в то же время имевшие в своём описании общие

теоретические установки [\[5, с. 8\]](#). Тем самым, конкурируют не только парадигмы – о чём пишет В. М. Алпатов, – но и исследовательские программы внутри парадигм: «рост науки попросту невозможен без существования и сосуществования указанных исследовательских программ» [\[5, с. 8\]](#). Заметим, что В. М. Алпатов характеризует другие парадигмы: генеративную (порождающую) Н. Хомского, функциональную, – как исходящие из антропоцентрической [\[12, с. 15\]](#).

В. З. Демьянков считает абсурдным отвлечение от человеческого фактора в языкознании [\[13, с. 15\]](#). Учёный называет лингвистический структурализм попыткой изучения языка в отрыве от человека, приостановленной в связи со становлением антропоцентрической парадигмы, и понимает использование термина **научная парадигма** как одно из первых проявлений антропоцентричной философии науки [\[13, с. 15-16\]](#). В. З. Демьянков подчёркивает: «общественные науки вообще обречены на политеоретичность, а следовательно, на отсутствие единого парадигматического стандарта» [\[13, с. 35\]](#). Тем самым, плюрализм теорий есть следствие влияния человеческого фактора в науке.

Продолжая идеи В. И. Постоваловой, В. А. Маслова развивает теоантропокосмическую парадигму, понимая её как «новый виток антропоцентрической парадигмы» [\[14, с. 164\]](#). В. А. Маслова утверждает: «язык нужно рассматривать в системе – **язык – человек – Бог – космос – культура**» (**выделение** авторское) [\[14, с. 165\]](#). Тем самым, теоантропокосмическая парадигма в понимании В. А. Масловой – это антропоцентрическая парадигма с определёнными изменениями: признание приоритета Божественного Начала в космической обусловленности бытия человека.

В. И. Карасик определяет сложившиеся парадигмы в лингвистике: коммуникативную, культурно-когнитивную и семиотическую – как базовые векторы языка, выделенные на основе фрактального моделирования функций языка: коммуникация, культура и обозначение соответственно [\[15, с. 37-39\]](#).

Помимо традиционно принятых в научном сообществе сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической парадигм, М. Ч. Чеерчиев выделяет описательно-нормативную, или прагматическую, называя её исторически первичной: «описательно-нормативная парадигма была необходимым условием не только установления правил использования языковых единиц, но и возникновения других научных парадигм» [\[16, с. 452\]](#). Как пишет исследователь, в современном языкознании сосуществуют и продолжают развиваться все четыре парадигмы, а выбор парадигмы зависит от целей и задач исследования, и заключает: «описательно-нормативная парадигма непременно сопровождает каждое исследование, какие бы цели и задачи оно перед собой не ставило» [\[16, с. 453\]](#). Именно в рамках этой парадигмы «составляются прежде всего нормативные грамматики, учебники и учебные пособия, справочники по языкам, а также различного рода словари» [\[16, с. 453\]](#).

Г. Г. Галич развивает интегративную парадигму [\[17\]](#). Исследователь рассуждает: в результате научной революции на рубеже XX и XXI веков на первый план вышли антропоцентрические функциональные исследования языка, а системно-структурные исследования оказались забытыми – тогда как именно фонетические и грамматико-лексические структуры языка являются основой выражения выполняемых языком функций общения и познания, – и делает вывод: понимание функций языка невозможно без понимания структур; тем самым, интегративная парадигма позволит объединить

антропоцентризм и системный структурализм [7, с. 299]. Под термином **интегративная лингвистика** Г. Г. Галич предлагает объединить «самые различные версии комплексных, многоаспектных междисциплинарных исследований» [7, с. 301].

О необходимости междисциплинарного подхода в лингвистике утверждает ряд учёных. Так, Ф. М. Березин пишет о парадигме когнитивной лингвистики, объединяющей языкознание, психологию, неврологию и изучения искусственного интеллекта [8, с. 10] в контексте происходящего поворота «от изучения языка к исследованию речи, что позволяет говорить о формировании *речеведения* как особой области исследования в дополнение к *языкознанию*, занимавшему господствующее положение в филологии XX в.» (курсив авторский) [8, с. 12]. В. В. Глебкин описывает главный методологический посыл своей монографии как «призыв к междисциплинарности» [17, с. 314], и отмечает: «междисциплинарность требует новых подходов в построении методологического каркаса теории, но при этом открывает возможность и для более критического взгляда на уже освоенное дисциплинарное пространство» [17, с. 314]. Идеи интегративности развивает и В. А. Маслова. Так, исследователь теоретически осмысливает явление интегративности, и делает вывод: интегративный подход поможет решить «проблемы взаимосвязи языка и сознания, языка и культуры, языка и ментальности, языка и религии, языка и характера» [18, с. 844]. В. А. Маслова и Е. С. Пивовар рассматривают развитие различных научных дисциплин на современном этапе и их взаимосвязанность, и заключают: чтобы отвечать требованиям времени, лингвистика должна быть междисциплинарной, интегративной [19, с. 136]. Е. С. Кубрякова пишет об интегральной парадигме знания, противоположной генеративизму и являющуюся «функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей в своей установочной части выходы не только за горизонты традиционной структуральной лингвистики, но и за горизонты той жестко организованной и по преимуществу формализованной концепции языка, какой является генеративная парадигма знания» [1, с. 230]. Исследований в русле интегративности, междисциплинарности в лингвистике множество, и впору писать отдельный обзор. Однако многие из них объединяет идея антропоцентричности языка – в противовес ли, с признанием ли системного структурализма.

Т. Е. Владимирова последовательно развивает металингвистическую парадигму. Так, продолжая идеи М. М. Бахтина, Т. Е. Владимирова пишет о металингвистической парадигме и выражает надежду на разработку металингвистической области исследований – экзистенциальной лингвистики [20, с. 26-29]. Т. Е. Владимирова междисциплинарно анализирует языковую картину мира и описывает экзистенциальную картину бытия как актуальную исследовательскую парадигму [21]. Фрактально осмысливая модель языковой личности с позиций лингвистики, психологии и онтологии, Т. Е. Владимирова утверждает металингвистическую парадигму [22, с. 114-117]. Фактически, Т. Е. Владимирова проводит исследования в русле антропоцентрической парадигмы на междисциплинарном уровне.

Как считает Н. В. Бутылов, традиционно выделяются три парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая, – и называет исторически первичной сравнительно-историческую, поясняя это тем, что «сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка» [23, с. 49]. Исследователь называет идею антропоцентричности языка ключевой в современной

лингвистике [\[23, с. 50\]](#), и заключает: «антропоцентрическая парадигма в лингвистике – это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционных – системно-структурной и сравнительно-исторической парадигмах» [\[23, с. 51\]](#).

В рамках обобщённого представления пониманий научной парадигмы Ц. Ц. Огдонова пишет: парадигмы выделяются по типу и характеру принятых в них объяснений в рамках той или иной науки, и о разных парадигмах: когнитивной, коммуникативной, лингвокультурологической, социолингвистической и т.д., – можно говорить в случае различия установочно-предпосылочной, предметно-познавательной и процедурной частей научных дисциплин [\[6, с. 46-47\]](#). Развивая идеи В. А. Масловой и И. П. Сусова, Ц. Ц. Огдонова пишет: в лингвистике можно выделить три суперпарадигмы – сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую, при этом сравнительно-историческая парадигма является первой в языкознании; по мнению исследователя, в настоящее время доминирующей является антропоцентрическая парадигма [\[6, с. 47-49\]](#).

Итак, при некоторой общности взглядов есть определённые разногласия между учёными касаясь количества парадигм и времени их появления, однако этот вопрос требует отдельного изучения. Отметим, что такие исследования ведутся: так, Е. С. Кубрякова проводит парадигмальный анализ эволюции лингвистических теорий в XX в. [\[1\]](#), В. В. Глебкин описывает смену парадигм в XX в. от изоляционистских парадигм к антропоцентричной и социокультурной [\[17\]](#).

В целом же, даже учитывая порой противоречивые данные от различных исследователей, можно заметить уже в первом приближении, что есть определённые противоречия между системно-структурной и антропоцентрической парадигмами, тогда как какие-либо существенные противоречия между другими парадигмами сложно обнаружить.

Почему противопоставляются именно системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы?

Возможно, причина в том, что системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы соотносятся как предельно абстрактный мир идей и предельно конкретный наблюдатель – точнее, как наблюдаемая часть предельно абстрактного мира идей и предельно конкретный наблюдатель, осуществляющий рефлексию и саморефлексию.

Кроме того, мы считаем, что системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы, понимаемые как проявления системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в языкознании, соотносятся как форма и содержание. Системно-структурная парадигма понимается как предел формы, а биоэссенциально-детерминистическая – как предел содержания. Если понимать форму как однозначным образом заданный каркас, в котором реализуется форма, а содержание понимать как некоторую сущностную наполненность, обретающую конкретный вид, то логично вытекает следующее: заданность формальными принципами есть реализация системно-структурной парадигмы, а проявленность внутренней сущности содержания есть реализация антропоцентрической парадигмы. Форма и содержание являются крепко спаянными друг с другом, образуя единое целое, и в то же время противоположными.

Отметим и оппонирующие взгляды. Так, В. Н. Волошинов категорически возражает против рассмотрения формы и содержания отдельно друг от друга: «нельзя отрывать

идеологию от материальной действительности знака» [24, с. 26]. Однако именно дифференцированное рассмотрение формы и содержания позволило в том числе выделить и охарактеризовать системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы.

В качестве оппонирующей назовём и позицию Ц. Ц. Огдоновой. Развивая идеи Е. С. Кубряковой, Ц. Ц. Огдонова замечает: отечественной лингвистике свойственна полипарадигмальность, и антропоцентрическая парадигма выступает в качестве суперпарадигмы, включая в себя множество микропарадигм – антропоориентированных дисциплин интегрального характера: психолингвистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, прагматическая лингвистика, коммуникативная лингвистика и др., – которые пребывают в проникающем взаимодействии друг с другом [25, с. 70-71]. Отметим, что Ц. Ц. Огдонова понимает психолингвистику как микропарадигму антропоцентрической суперпарадигмы – тогда как мы считаем психолингвистику самостоятельной наукой, а не частью части отдельной науки. С другой стороны, если понимать суперпарадигму как парадигму, выходящую за пределы отдельно взятой науки – т.е. понимать антропоцентризм предельно широко: как биоэссенциально ориентированную область научного знания интегрального характера (над-дисциплину, мета-парадигму), – то психолингвистика действительно соотносится с биоэссенциальным детерминизмом как часть и целое.

Кроме того, отметим, что обращает на себя внимание фрактальность объяснения Ц. Ц. Огдоновой строения лингвистики, выражающаяся в префиксальном способе построения словообразовательной парадигмы термина **парадигма**. Тем самым, идея мета-парадигм, представленная в наших статьях в №№ 9 и 10 (2024) и №1 (2025) журнала «Философская мысль», фактически продолжает идеи фрактального объяснения научного знания.

Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры

Итак, антропоцентрическая парадигма является одной из древнейших в языкознании.

Антропоцентрическая парадигма в широком смысле – это биоэссенциально-детерминистическая. Антропоцентризм предполагает изучение языка с позиций человеческого фактора, притом язык – априори человеческий, тогда как биоэссенциальный детерминизм предполагает изучение языка с учётом биологически предопределённых ограничений носителя языка, или рассмотрение языка биоэссенциально детерминированного субъекта познания – т.е. исследование языка любых живых существ с учётом обусловленных их природой ограничений. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма может пониматься как расширенная антропоцентрическая.

Однако посмотрев на мир из языкознания сквозь оптику расширенного антропоцентризма, мы автоматически видим этот мир из психолингвистики. Антропоцентрическая парадигма в языкознании – это та оптика, сквозь которую мы смотрим на мир как лингвисты – и оказываемся психолингвистами. Тем самым, биоэссенциально-детерминистическая парадигма, или антропоцентрическая парадигма в широком смысле, становится той точкой опоры, которая оборачивает языкознание в психолингвистику.

Так часть целого становится не просто целым, а другим целым. Часть целого не просто делает целое другим – в данном случае часть целого выворачивает это целое

наизнанку, делая его принципиально иным.

Иначе говоря, в данных случаях парадигма – это не только некоторая часть науки, это и есть сама наука. Системный структурализм в чистом виде – это языкознание, а биоэссенциальный детерминизм – это психолингвистика.

История науки знает примеры, когда новая парадигма объясняет мир точнее прежней. Так, общеизвестными являются такие примеры: в физике это теория относительности А. Эйнштейна, пришедшая на смену классической механике И. Ньютона, а в астрономии – гелиоцентрическая модель Коперника вместо геоцентрической модели Птолемея. Историки науки могут привести и другие примеры, когда новая парадигма в науке приходила на смену прежней.

Однако в данном случае в языкознании дело обстоит принципиально иначе: новая парадигма не лучше и не точнее объясняет мир, чем прежняя. В данном примере под новой парадигмой понимается антропоцентрическая в широком смысле (т.е. биоэссенциально-детерминистическая), под прежней – системно-структурная, хотя применение эпитетов **новая** и **прежняя** к данным парадигмам является некорректным. Более того, как уже упоминалось, В. М. Алпатов отмечает: исторически первой является как раз антропоцентрическая парадигма [\[9, с. 15\]](#). Системно-структурная и антропоцентрическая парадигма в языкознании в маятниковом ритме сменяют друг друга уже не первую тысячу лет [\[10, с. 208\]](#). Антропоцентрическая парадигма объясняет мир не лучше, чем системно-структурная – она делает это иначе, притом иначе настолько, что мы оказываемся совсем в другой науке: вместо языкознания – в психолингвистике.

Более того: как отмечает М. Ч. Чеерчиев, парадигмы в языкознании сосуществуют одновременно [\[16, с. 453\]](#).

Как пишет Р. М. Фрумкина, и в процессе восприятия речи, и в процессе порождения высказывания возможен выбор одной из двух позиций:

- 1) стремление к объективности,
- 2) ориентация на убедительность.

Р. М. Фрумкина подчёркивает: «Конечно, в принципе любой лингвист хотел бы совместить (1) и (2) — описать то, что "есть" и сделать это "красиво". Надо помнить, однако же, что это разные критерии» [\[26, с. 65\]](#). Эти две позиции одновременно присутствуют в языке как потенциально возможные, но взаимонепереводимые, и в реальность воплощается одна из них. Итак, системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы присутствуют в языке одновременно и не являются сводимыми друг ко другу.

Как отмечалось выше, парадигм в языкознании много: сравнительно-историческая, системно-структурная, антропоцентрическая, описательно-нормативная, семиотическая, коммуникативная и др., – однако ни одна из них не меняет само языкознание, не превращает его в другую науку. Данные парадигмы меняют взгляд на мир, но наблюдатель по-прежнему находится в исходной науке – в языкознании.

В то же время биоэссенциально-детерминистическая парадигма в языкознании действительно является новой – хотя фактически существует столько же, сколько и само языкознание. Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как причина трансформации языкознания в психолингвистику – тот случай, когда причина наступает позже следствия – точнее, осознание причины наступает позже случившегося

следствия.

С другой стороны, если мы из психолингвистики уберём весь биоэссенциальный детерминизм, то автоматически попадём в языкознание, а именно – в системный структурализм. Тем самым, языкознание и психолингвистика, как и системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм, оказываются крепко спаянными между собою – и кардинально отличающимися. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы оказываются невозможными друг без друга – и в то же время принципиально различными.

Отметим, что Р. М. Фрумкина приводит психолингвистику в качестве примера науки с отсутствием устоев в виде построений, которые можно было бы «уподобить (именно уподобить!) "аксиоматике"» [\[26, с. 57\]](#). Исследователь пишет: «появившись в лингвистике с целью описания языка как психического феномена, психолингвистика в то же время была фактически из неё изгнана. Более того – психолингвистика как наука представляет собой «по преимуществу смесь: либо из доброкачественной психологии и посредственной лингвистики (в США), либо из посредственной психологии и доброкачественной лингвистики (в России). Добавим к этому не всегда грамотные, а часто и просто невежественные штудии, где к невнятной психологии и невнятной лингвистике приложена еще более невнятная культурология или социология. Это позволяло, – кстати, и до сих пор позволяет – пренебрегать уже известными закономерностями всех упомянутых наук» [\[26, с. 57\]](#). Тем самым, методологическая рефлексия лингвистики и психолингвистики видится необходимой. Возможно, рассмотрение психолингвистики как проявления преимущественно биоэссенциально-детерминистической парадигмы, а языкознания – как проявление преимущественно системно-структурной, при этом понимание обеих наук как междисциплинарно связанных, позволит внести ясность в виде некоего условного фундамента – или, говоря языком Р. М. Фрумкиной, «подобия "аксиоматике"». Фактически, языкознание и психолингвистика – разные науки, однако начало имеют общее: совокупность языка как абстрактной знаковой системы и речи как конкретного живого процесса в различных сочетаниях. Так, Е. Ф. Тарасов определяет объектом лингвистики на современном этапе «процесс производства и восприятия речевых сообщений» – а не язык как абстрактную знаковую систему [\[27, с. 134\]](#). О переходе к речеведению от языкознания говорит и Ф. М. Березин [\[8, с. 12\]](#). Заметим, что в отличие от языка, речь является одной из высших психических функций.

Разумеется, трансформация языкознания в психолингвистику носит скорее метафорический, нежели буквальный, характер. Хотя трансформация по типу **часть целого становится иным целым**, являясь парадоксальной, действительно имеет место быть.

Однако нельзя не отметить, что биоэссенциально-детерминистическая парадигма в чистом виде – это скорее психология. Ведь предметом психологии фактически являются биоэссенциально детерминированные субъекты – живые существа, имеющие психофизически обусловленные ограничения. Действительно, языкознание и психология – разные науки, имеющие различные истоки: первая рассматривает язык как знаковую систему, вторая – изучает проявление биоэссенциально обусловленной жизненной сути. Тем самым, происходит ещё одна парадоксальная трансформация: **часть одного целого становится другим целым**; парадигма одной науки становится другой наукой.

При всей кажущейся схожести этих трансформаций есть оттенки различия между ними. В

первом случае мы смотрим на мир из языкознания сквозь биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую в широком смысле) парадигму, и автоматически оказываемся в психолингвистике, а во втором мы выделяем из языкознания биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую) парадигму, и она оказывается отдельной наукой – психологией.

Так, Ц. Ц. Огдонова заключает: «антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о смене приоритетов, о переходе к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с индивидуумом и социумом» [\[25, с. 70\]](#). А В. М. Алпатов подчёркивает: «Один из вечных споров в истории языкознания заключается в том, как рассматривать объект данной науки: как систему правил или как человеческую деятельность» [\[11, с. 202\]](#). Тем самым, описываемые метаморфозы фактически разрешают данный спор.

Кроме того, парадоксальность данных метаморфоз заключается в том, что и психолингвистика, и психология фактически оформились раньше определения биоэссенциально-детерминистической парадигмы. Следствие свершилось раньше причины – притом в обоих случаях.

Думается, что в истории науки такое нечасто бывает. Хотя, если быть более строгими, то следствие свершилось раньше осознания причины, а не раньше самой причины, – что кажется более логичным и менее парадоксальным.

В качестве оппонирующего – но оппонирующего только в первом приближении! – мнения укажем следующее. Осмысливая психологию и лингвистику в контексте социального познания, Р. М. Фрумкина отмечает: и лингвистика, и психология на современном этапе развития – не некие науки-монолиты, цельные и единые, а каждая из них методологически и эпистемологически противоречиво устроена, сочетая в себе строгую научность и произвольную эссеистику, и имея различия между отдельными направлениями внутри каждой из наук [\[28, с. 128-129\]](#). Исследователь указывает: противоречивость и лингвистики, и психологии обусловлена общей для социальных наук ситуацией разрыва между «множественностью областей, в которых они работают, и отсутствием того, что можно назвать теорией среднего уровня по Мертону» (*курсив авторский*) [\[28, с. 129\]](#), – и добавляет: «Полезно осознать не только отсутствие таких теорий, но прежде всего отсутствие потребности в них» (*курсив авторский*) [\[28, с. 129\]](#). Возможно, парадокс, описанный Р. М. Фрумкиной: отсутствие теорий среднего уровня в лингвистике и психологии является одной из причин противоречивости данных дисциплин, и в то же время отсутствует потребность в создании таких теорий, – является одним из двигателей социальных наук.

Р. М. Фрумкина отмечает: «говорить вообще "о лингвистике" или вообще "о психологии" – это большое упрощение, поскольку мы не можем аккуратно зафиксировать рамки нашего обсуждения» [\[28, с. 129\]](#). Лингвистика и психология в своих крайних пределах могут пониматься как системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм. В то же время в действительности каждая из этих наук сочетает в себе как строгую научность, так и произвольную эссеистичность – представляя собою каждая причудливую интерференцию системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической парадигм.

И системно-структурная парадигма, и антропоцентрическая – как в своём сопоставлении, так и по отдельности – являются объектом изучения различными исследователями. Так,

В. М. Алпатов последовательно осмысливает вопросы смены парадигм и развития науки. Учёный обобщает: «развитие науки происходит как противоборство хаоса и его упорядочение: открытие новых фактов увеличивает хаос, создание новых теорий позволяет его преодолевать» [12, с. 14], и делает вывод: «революционные и эволюционные этапы в развитии лингвистики чередуются, и такова закономерность научного развития» [12, с. 15]. Как заключает В. М. Алпатов, наука развивается по спирали: магистральные и маргинальные течения сменяют друг друга [29]. Исследователь отмечает: «в истории науки о языке постоянно идет борьба стремления к строгому изучению объекта по образцу естественных наук и с опорой на наблюдаемые факты и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей» [10, с. 217]. Вместе с тем, хаос и упорядочение, революционные и эволюционные этапы в науке можно объяснить проявлением человеческого фактора – личностными склонностями учёных: одни люди тяготеют к практической деятельности, углубляясь в эмпирику и разрабатывая до них созданные теории, а другие – к теоретическому осмыслению действительности, воспаряя над нею и создавая новые теории; учёт человеческих характеров и склонностей позволяет понять причины развития науки [30, с. 4-5]. В. М. Алпатов отмечает: в настоящее время усиливается роль хаоса [10, с. 218].

Как указывают А. А. Залевская и С. И. Тогоева, при проведении языковых исследований является значимым сочетание знаковой системы языка как абстрактного мира идей и опоры на «изначальной чувственной первоосновы языковой картины мира» [31, с. 62]. По мнению учёных, этой цели могут достичь междисциплинарные исследования, в основе которых лежат не уже имеющиеся теории языка, а качественно новые идеи; исследователи предлагают «отталкиваться от уже полученных результатов для формулирования рабочих гипотез и их проверки доступными методами и приёмами» [31, с. 62]. Тем самым, введение биоэссенциально-детерминистической парадигмы, понимаемой как расширенная антропоцентрическая, видится актуальным и обоснованным.

А. А. Залевская и С. И. Тогоева резюмируют: «главным должно оставаться стремление к целостной картине функционирования языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании и подсознании» [31, с. 62]. Поскольку язык является абстрактной знаковой системой которой пользуются конкретные люди, то при изучении языка и сознания пользующихся им людей следует сочетать системный структурный и биоэссенциально-детерминистический подходы.

Заключение

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая (антропоцентрическая в широком смысле) парадигмы действительно противоположны – при том, что в языкознании существуют и другие парадигмы. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая (антропоцентрическая в широком смысле) парадигмы присутствуют в языке одновременно и являются крепко спаянными друг с другом, образуя единое целое – и в то же время противоположны, взаимонепереводимы и не сводимы друг к другу. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая парадигмы невозможны друг без друга – и в то же время принципиально различны.

Предел системного структурализма есть языкознание, предел биоэссенциального детерминизма (антропоцентризма) – психология. Языкознание и психолингвистика –

разные науки, однако начало имеют общее: совокупность языка как абстрактной знаковой системы и речи как конкретного живого процесса в различных сочетаниях.

Отметим ряд парадоксальных трансформаций:

- трансформация по типу **часть целого становится иным целым**: переход языкознания в психолингвистику – когда мы смотрим на мир из языкознания сквозь биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую в широком смысле) парадигму, и автоматически оказываемся в психолингвистике (хотя, разумеется, трансформация языкознания в психолингвистику носит скорее метафорический, нежели буквальный, характер);

- трансформация по типу **часть одного целого становится другим целым**: биоэссенциальный детерминизм в чистом виде суть психология – когда мы выделяем из языкознания биоэссенциально-детерминистическую (антропоцентрическую) парадигму, и она оказывается отдельной наукой – психологией;

- при обеих трансформациях причина свершилась позже следствия – точнее, осознание причины наступает после случившегося следствия: биоэссенциально-детерминистическая парадигма определяется в настоящее время, тогда как и психолингвистика, и психология фактически оформились как науки уже давно.

Биоэссенциально-детерминистическая парадигма в языкознании может пониматься как причина трансформации последнего в психолингвистику. Биоэссенциальный детерминизм, выделенный из языкознания в чистом виде, может пониматься как психология.

Столь причудливые метаморфозы можно объяснить увеличением роли хаоса в настоящее время и естественными закономерностями развития научного знания.

Библиография

1. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144-238.
2. Залевская А. А., Тогоева С. И. Разные ракурсы проблемы взаимодействия языка и культуры // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: Коллективная монография / Под общей редакцией А. А. Залевской. Тверь: Тверской государственный университет, 2018. С. 89-106. EDN YLUELB.
3. Демьянков В. З. О поколениях и о научных парадигмах // Вопросы филологии. 2010. № 3(36). С. 9-16. EDN NULPUP.
4. Демьянков В. З. О языковых техниках научных революций // Вопросы филологии. 2015. № 1(49). С. 21-34. EDN VFPEIV.
5. Кубрякова Е. С. Понятие "парадигма" в лингвистике: Введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов / Центр гуманитарных научно-информационных исследований, Отдел языкознания; редколлегия: Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 4-14. EDN MWMQBV.
6. Огдонова Ц. Ц. Научная парадигма как ключевое понятие современной науки о языке // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 43-49. EDN ZTUDCZ.
7. Галич Г. Г. Научная парадигма интегративной лингвистики // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4(44). С. 298-302. EDN

ZVHXСQ.

8. Березин Ф. М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 9-25.
9. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15-26. EDN RGFDKX.
10. Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1(23). С. 198-220. EDN WAYDFZ.
11. Алпатов В. М. Язык – система правил и язык – деятельность // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11, № 2. С. 202-220. DOI 10.30884/ipsi/2018.02.09. EDN EQZTET.
12. Алпатов В. М. Революции и эволюции в истории науки (на материале лингвистики) // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 29 ноября – 01 декабря 2019 года. Нижний Новгород: Общество с ограниченной ответственностью "Красная ласточка", 2019. С. 13-16. DOI 10.24411/9999-036A-2019-00004. EDN TPAZEX.
13. Демьянков В. З. Термин парадигма в "родном" и "чужом" ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сборник научных трудов / Центр гуманитарных научно-информационных исследований, Отдел языкознания; редколлегия: Кубрякова Е. С., Лузина Л. Г. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2008. С. 15-39. EDN MWMQCF.
14. Маслова В. А. "Вперед к Гумбольдту" как доминанта современного состояния науки о человеке и его языке // Студзеньскія рэспубліканскія навуковыя чытанні "Жыццё, аддаанае Слову" (памяці кандыдата філалагічных навук доцента Генадзя Антонавіча Арцямёнка): материалы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Віцебск, 26 января 2022 года. Віцебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. С. 162-165. EDN LBRBGU.
15. Карасик В. И. Моделирование функций языка // Язык и культура. 2022. № 58. С. 29-42. DOI 10.17223/19996195-58-2. EDN FECXVO.
16. Чеерчиев М. Ч. К вопросу о смене парадигм в языкознании // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4(107). С. 451-453. DOI 10.24412/1991-5497-2024-4107-451-453. EDN RDHMKD.
17. Глебкин В. В. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с. (Humanitas). ISBN 978-5-98712-210-4. EDN VMOMGT.
18. Маслова В. А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 3. С. 823-847. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847. EDN MOMMLM.
19. Маслова В. А., Пивовар Е. С. Монодисциплинарность в гуманитарных науках – тупиковый путь развития науки // Метафизика. 2022. № 3(45). С. 129-137. DOI 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137. EDN WAKKVP.
20. Владимирова Т. Е. Металингвистическая парадигма изучения языковой личности // Метафизика. 2012. № 4(6). С. 26-38. EDN TPLCHP.
21. Владимирова Т. Е. Экзистенциальная картина бытия как актуальная исследовательская парадигма // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 41-52. DOI 10.30982/2077-5911-2019-40-2-41-52. EDN UZQGGI.
22. Владимирова Т. Е. Русская языковая личность как объект металингвистики // Метафизика. 2022. № 3(45). С. 114-128. DOI 10.22363/2224-7580-2022-3-114-128. EDN VNZLPX.
23. Бутылов Н. В. К вопросу о смене парадигм в языкознании // Актуальные проблемы

общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: Сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, Москва, 15-16 января 2021 года. Том Выпуск 8. Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2021. С. 49-51. EDN GAKSVF.

24. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. 194 с.

25. Огдонова Ц. Ц. Парадигмальный подход к изучению языковой ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 69-76. EDN MTICAD.

26. Фрумкина Р. М. "Теории среднего уровня" в современной лингвистике // Вопросы языкознания. Российская академия наук. Отделение литературы и языка РАН, 1996. М.: "Наука", 1996. № 2. С. 55-67.

27. Тарасов Е. Ф. К проблеме функционирования языка // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 126-136. DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-126-136. EDN IOCAZG.

28. Фрумкина Р. М. Психология и лингвистика как контексты социального познания // Пути России: проблемы социального познания: Материалы Международного симпозиума, Москва, 03-04 февраля 2006 года. Москва: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2006. С. 128-144. EDN CYBLEB.

29. Алпатов В. М. История лингвистики: мейнстрим и маргиналы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2(870). С. 9-14. DOI 10.52070/2542-2197-2023-2-870-9. EDN GNSEKT.

30. Алпатов В. М. История идей науки и история людей науки // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции, Москва, 28-30 октября 2020 года / отв. ред. О. К. Ирисханова. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2020. С. 3-6. EDN OVGBRX.

31. Залевская А. А., Тогоева С. И. Некоторые вопросы общетеоретического потенциала современных исследований языка // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2018. № 4. С. 56-66. EDN VNBWIV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой работы является биоэссенциально-детерминистическая парадигма (антропоцентрическая парадигма в широком смысле) как причина трансформации языкознания в психолингвистику. Проблемный вектор исследования достаточно интересен, он соотносится с одной из рубрик издания. Автор в начале труда отмечает, что «цель исследования: осмысление факта трансформации языкознания в психолингвистику вследствие принятия биоэссенциально-детерминистической парадигмы в языкознании». Считаю, что выверенная цель задает общую логику научной наррации. Методы исследования вариативны, при этом синкретический характер явно является доминантой. На мой взгляд, изучение проблем языка в спектральной интегративной версии всегда является продуктивным. Работа самостоятельна, оригинальна, информативна; характер стиля – научный, академический. Например, «Е. С. Кубрякова последовательно осмысливает характеристики парадигмы в общенаучном смысле и в лингвистике [1] [5]. Е. С. Кубрякова пишет: парадигма играет направляющую роль, не столько предлагая новые решения, сколько определяя

перспективные пути развития науки [1, с. 165-166]. На примере парадигм в лингвистике исследователь отмечает особенности наименования школ, направлений и парадигм: школы характеризуются чаще всего по лидерам (хомскианство, соссорианство), направления – по целям изучения языка (сопоставительное, сравнительно-историческое), а парадигмы «получают разные названия, зависящие от того, какое из выделенных нами ее звеньев оказывается в фокусе внимания представителей данной парадигмы знания» [5, с. 10]». Как видим, ссылки и цитации даются верно, серьезная правка текста излишня. Тема работы раскрывается последовательно, планомерно; термины и понятия вводятся в текст грамотно. Можно согласиться, что «теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении языкознания и психолингвистики», «практическая же значимость исследования заключается в перспективе развития междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований». Текст однороден, при этом автор включает т.н. промежуточные выводы для вероятного поддержания диалога с читателем: например, «Итак, при всех различиях в понимании научным сообществом парадигмы в лингвистике можно выделить общие черты. Парадигму можно понимать как концептуально обобщённый, динамично развивающийся свод научных представлений, определяющий развитие науки в научном сообществе. Можно сказать, что парадигма – это не только определённая система правил внутри науки. Парадигма – это призма, это оптика, сквозь которую мы смотрим на мир» и т.д. Удачно, на мой взгляд, систематизированы работы таких ученых как В.З. Демьянков, В.А. Маслова, Е.С. Кубрякова, В.М. Алпатов, В.И. Карасик и т.д. Внимателен автор статьи к каждой фигуре; конструктивная оценка – показатель качества. Не исключается из текста мысль о преемственности развития научной мысли, и это верно: «Т.Е. Владимирова последовательно развивает металингвистическую парадигму. Так, продолжая идеи М.М. Бахтина, Т.Е. Владимирова пишет о металингвистической парадигме и выражает надежду на разработку металингвистической области исследований – экзистенциальной лингвистики...». Думаю, что некоторые положения могут быть развернуты в новых исследованиях, вариант дополнений также, на мой взгляд, стоит оценить положительно. Маркировка наиболее важных понятий дает возможность читателю сконцентрировать взгляд: например, «В. З. Демьянков считает абсурдным отвлечение от человеческого фактора в языкознании [13, с. 15]. Учёный называет лингвистический структурализм попыткой изучения языка в отрыве от человека, приостановленной в связи со становлением антропоцентрической парадигмы, и понимает использование термина НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА как одно из первых проявлений антропоцентричной философии науки...», или «Разумеется, трансформация языкознания в психолингвистику носит скорее метафорический, нежели буквальный, характер. Хотя трансформация по типу часть целого становится иным целым, являясь парадоксальной, действительно имеет место быть» и т.д. Материал удачно использовать при изучении ряда лингвистических дисциплин. Выводы соотносятся с основным блоком; в частности автор указывает, что «биоэссенциально-детерминистическая парадигма в языкознании может пониматься как причина трансформации последнего в психолингвистику. Биоэссенциальный детерминизм, выделенный из языкознания в чистом виде, может пониматься как психология». Библиографический список объемён; тема работы раскрыта, поставленная цель достигнута. Рекомендую статью «Биоэссенциально-детерминистическая парадигма как точка опоры» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».